

Поэма А.Блока в высказываниях современников

**Урок-исследование в 11
классе**

В.Г. Шершеневич, 1918 г.

- «А. Блок в эсеровских газетах начинает взывать к погрому буржуазии <...> Мы не можем требовать, чтобы поэты были пророками, но воистину позорное и мерзкое зрелище видеть поэтов в роли прихвостней власть имущего!.. »

*Из газеты «Петроградское эхо»,
1918 г.*

- «То, что Блок сочувствует большевизму, – его личное дело. В своих убеждениях писатель должен быть свободен, и честь и слава тому, кто во имя этих убеждений смело идет против течения, – но зачем же писать скверные стихи?»

П. Славнин, 1918 г.

- «Белым венчиком из роз венчает поэт “азиатскую рожу” нашей революции. И впереди ставит благословляющую, ведущую фигуру Иисуса Христа <...> Но только какие же надо иметь узкие монгольские глаза для того, чтобы спокойно видеть в убийцах наших дней каких-то завтрашних апостолов вселенского социализма».

Илья Эренбург, 1918 г.

- «...вслед за поучительными статьями о музыке революции Блок пишет “Двенадцать”. Идут убийцы и громилы, люди все знакомые – воротник рубахи отвернут (dernier cri), красная звезда, торчит невинно кончик Нагана. Идут, но стиль! стиль! – и впереди их один в особой форме, в белом венчике из роз; это Исус (через И) Христос. Идут, поют о вещах, тоже хорошо известных – кто кого прирезал, но музыка! музыка! – и они поют еще: “мировой пожар в крови, Господи, благослови!” А все – и пожар, и Христос “очень народно”, на манер частушки».

Е. Ростин, 1918 г.

- «Самая значительная черта этой поэмы в том, что поэту удалось соединить поэтическую идеализацию большевистской России с крайним, свободным от всяких прикрас, реализмом ее изображения. В “Двенадцати” воплощена самая анархическая и самая кровавая сторона нашей революции. Это разбойники, которым их “социалистическое отечество” дало полную власть и обеспечило полную безнаказанность. Такою изобразил Блок современную Россию. И все же не отрекся от нее. <...> Вне России нет для него никаких путей. Не отречется Блок ни от какой России».

Р.В. Иванов-Разумник, 1918 г.

- «Когда маленькие люди язвят большого поэта за то, что он теперь в грозе и буре мировых событий – не в их утином стаде, что он чему-то “изменил”, что он “вдруг” стал духовным, политическим и социальным “максималистом” – то это просто вздор, незнакомство утиного стада с творчеством того самого поэта, которого оно так глубокомысленно судит. <...> “Двенадцать” – неизбежное следствие всего его прошлого поэтического сознания».

Б.М. Эйхенбаум, 1918 г.

- «Необычайное явление – Блок, тихий поэт “лиры”, пишет громкую, кричащую и гудящую поэму “Двенадцать”, в которой учится у Маяковского. Это трагично, это почти вызывает слезы. Говорят, что эта поэма хороша. Я не знаю – я вижу, что Блок распинает себя на кресте революции, и могу взирать на это только с ужасом благоговения».

П.Арбузьев, 1918 г.

- «Расселась земля после революции, и встает над трещиной серный, наркотический пар. Вот тянутся некоторые наши поэты к нему, тянутся инстинктивно, как пьяница к водке...».

А.Измайлов, 1918 г.

- «...поэма воплотила всего лишь тяжело-недоуменную растерянность поэта».

А.Дерман, 1918 г.

- «...он в новой фазе революции обрел свое, кровное, нужное не его взглядам, а его личной индивидуалистической потребности. Оторванный от жизни романтик, он нашел в ней островок для своего беспокойного, томящегося индивидуализма. Когда он бессознательно учуял в атмосфере революции обе родственные его субъективизму стихии: разрушительную смерть и тревожную остроту – он отозвался на нее».

В.Е. Евгенийев-Максимов, 1918 г.

- «Блок, которого мы знали как нежного певца «Прекрасной Дамы», как тонкого изобразителя трепетных и неясных порывов, смутных и полусонных настроений, дремотных воспоминаний; Блок с его непреодолимым тяготением в сторону экстатических прозрений и мистических осияний – выступил вдруг в роли панегериста российского большевизма в его наиболее отталкивающих проявлениях».

М.М. Пришвин, 1918 г.

- «О деревенских вековухах так говорят: не выходит замуж, потому что засмыслилась и все не может ни на ком остановиться, ко всем льнет и все ей немилы – засмыслилась. Это грубо, но нужно сказать: наш любимый поэт Александр Блок, как вековуха, засмыслился. Ну разве можно так легко теперь говорить о войне, о родине, как будто вся наша русская жизнь от колыбели и до революции была одной скукой. И кто говорит? О войне – земгусар, о революции – большевик из Балаганчика. Так может говорить дурной иностранец, но не русский и не Тот, Светлый иностранец, который, верно, скоро придет».

И. Бунин, 1918 г.

- «Литература Пушкина, Толстого, Тургенева за последнее десятилетие так низко пала, – до того, что в ней считаются событием даже нарочито хамские, кощунствующие именем Христа и Его Двенадцати Сподвижников вирши Блока! – настолько она потеряла ум, вкус, такт, совесть и даже простую грамотность, так растлила и втоптала в грязь “великий, правдивый язык”, завещанный Тургеневым».

М.А. Алданов, 1918 г.

- «Звезда, павшая с неба и воплотившаяся в прекрасную незнакомку, была, как известно, просто уличной женщиной. Органически кощунственный талант мог возвести октябрьскую революцию в перл создания. И мы имеем поэму “Двенадцать”, отмеченную большим чувством ритма, выдающимся фонетическим дарованием».

*Н.С. Гумилев, по воспоминаниям
Надежды Павлович.*

- «Он, написав
“Двенадцать”, вторично
распял Христа и еще раз
расстрелял Государя».

*Ф. Сологуб, по «Дневнику» К.И.
Чуковского.*

- «Он был немец и его “Двенадцать” – немецкая вещь. Я только теперь познакомился с этой вещью – ужасная. Вы считаете его великим национальным поэтом. А по-моему весь свой национализм он просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего. России он не знал, русского народа не знал, он был студент-белоподкладочник».

С. Городецкий, 1920 г.

- «Его “Двенадцать”, написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг. И если б он раскрыл уста и за двенадцатью увидел миллионы, – а это будет, этого все ждуют, как праздника, – если б он допустил себя до радости понять все происходящее, то за судьбу поэзии можно было б быть спокойным. Ведь в нем, этом молчальнике, произошел стык старой пушкинской культуры и новой, пролетарской. Ведь он спаял золотой язык прошлого века с языком нашей улицы».

И. Оксенов, 1920 г.

- «И уже в 1918 г. приветствовал Блок подлинное рождение, возрождение этой грядущей России. <...> гениальная поэма “Двенадцать” была тем подарком, который русская поэзия, внезапно постаревшая в вихре событий, принесла к колыбели чудного ребенка, чье рождение предчувствовал Гоголь».

М. Шагинян – А. Блоку, 1921 г.

- «Для меня “Двенадцать” – символ веры, художественная формула сокровеннейшего религиозного опыта, который пережили немногие из нас, “интеллигентов”, и почти все “простонародные” души в Октябрьскую революцию. Вы дали тончайшую, точнейшую реакцию на реальнейшую, но невесомую и не видимую действительность. Людям, пережившим ту правду, Ваши “Двенадцать” были связью, встречей друг с другом. Я жила на юге России, в самом глухом одиночестве, и когда контрабандой (через украинскую границу) к нам из красного Харькова в белый Ростов завезли скверную перепечатку “Двенадцати” Блока и она попала мне в руки, я (простите мне эту неприличную нескромность) молилась Богу над нею и плакала от счастья, что Вы увидели и воплотили. Ведь “Двенадцать” на самом деле не о них, а о нас, – о душе, которая поняла революцию, как чудо, и так поняв – уже и совершила ее».

П. Струве. 1921 г.

- «“Двенадцать” – величайшее достижение Блока. В нем он мощно преодолел романтизм и лиризм, в совершенно новой, своей форме сравнялся с Бальзаком и Достоевским. С Бальзаком – в объективном, достигающем грандиозности, изображении мерзости и порока, с Достоевским кроме того – в духовном, пророческом видении, что в здешнем мире порок и мерзость смежны со святостью и чистотой в том смысле, что не внешняя человеческая стена, а только какая-то чудесная, незримая, внутренняя черта их разделяет в живой человеческой душе, за которую, в земном, неизбежно борются Бог и Дьявол, Мадонна и Содом».

Петроник / П. Савицкий/, 1921 г.

- «...обе поэмы А. Блока, возникшие как отражение революции, “Скифы” и “Двенадцать”, являются в отношении к поэзии Блока, взятой как совокупность, некоторой кульминацией пушкинского начала в его творчестве, подлинным подобием “Клеветникам России” и “Медному всаднику” – несмотря на различие между обеими группами произведений, вытекшие из различия эпох».

А.Н. Толстой, 1921 г.

- «В “Двенадцати” Блок с небывалой у него до того силой пронзил ясновидящим взором грядущее. Теперь, – четыре года революции минуло, – вся она со всеми сумасшедшими мечтами, со всем буйством, ужасом и кровью лежит раздавленная и издыхающая, и вся она, как в дивном кристалле, включена в поэме “Двенадцать”. <...> Поэт, всю свою жизнь певший нам о нисхождении во тьму, о тоске и безнадежности русской, грешной ночи, – объявил, наконец, весть, радостней которой не было: Россия будет спасена; двенадцать разбойников, не ведавших, что творили, будут прощены. Пронзительным взором он проник в бездну бездн тьмы и там увидел не дьявола, но Христа, ведущего через мучительство разбойников ту, у которой плат окровавленный опущен на глаза. Так любить, как возлюбил Россию Блок, мог бы только ангел, павший на землю, сердцу которого было слишком тяжело от любви».

О.Э. Мандельштам, 1922 г.

- «Не надивишься историческому чутью Блока. <...> Независимо от различных толкований, поэма “Двенадцать” бессмертна, как фольклор».

К. Чуковский, 1922 г.

- «...мы, следившие за творчеством Блока, знаем, что здесь не новый, а старый Блок и что тема “Двенадцати” есть давнишняя тема. В “Двенадцати” изображены: проститутка, лихач, кабак – но мы знаем, что именно этот мир проституток, лихачей, кабаков давно уже близок Блоку <...> Ведь даже кощунство “Двенадцати”, – эти их постоянные возгласы: “Эх, эх, без креста!”, “пальнем-ка пулей в святую Русь!» – давнишнее занятие Блока, который уже со времени “Балаганчика” чувствует “роковую отраду в попираньи заветных святынь” и про музу свою говорит, что она “смеется над верой” <...> Даже нож, которым в “Двенадцати” Петруха убивает соперника, есть тот самый русский национальный нож, который давно уже неотделим для Блока от русской вьюги и русской любви, о котором Блок задолго до “Двенадцати” сказал в стихотворении “Русь”: “И девушка на злого друга // Под снегом точит лезвие”. Словом, чем больше мы всматриваемся, тем яснее для нас тот многозначительный факт, что в нынешней интернациональной России великий национальный поэт воспел революцию национальную».

А.И. Тиняков, 1923 г.

- «В этой поэме нет ни одного прямого упрека по адресу революции, но, тем не менее, вся она звучит, как обвинительный акт против революции. <...> откровенную ругань Бальмонта и Гиппиус можно предпочесть такому двусмысленному “апофеозу” революции».

Л.Троцкий, 1923 г.

- «Конечно, Блок не наш, но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался, но плодом его порыва явилось самое значительное произведение нашей эпохи. Поэма “Двенадцать” останется навсегда».

Б.Зайцев, 1925 г.

- «Он написал не поэму разрешения, а духоты. В “Двенадцати” нет воздуха, ни света, ни пафоса, ни искупления. Живое гибнет в ней, как в “Снежной маске” (но еще сильнее), – ибо нет духа животворящего. “Скучно!” – так кончается восьмая главка. Как не быть скучно в атмосфере смерти? Мертва духовно – и проникнута поэзией, вот удивительно! В “Двенадцати” есть поэзия, всегдашний блоковский хмель, и тоска, и дикая Русь, и мрак. И еще удивительно: “Двенадцать” менее всего “произведение искусства”. Это явление, происшествие. Показание на некотором суде. Блок тут себя предъявил. И можно понимать поэму как порыв к борьбе, отчаянную контратаку в жизненном сражении – на давно заседавшего врага».

Домашняя работа

- Ответьте на вопрос: Чья(и) позиции по отношению к поэме А.А.Блока «Двенадцать» вам кажутся близки вашей и в чём?
- С чьим мнением вы категорически не согласны и в чём?